

Что же касается меня, господа, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры, — сказал Михаил Карлович, садовник графа N. — Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорят «невиновен», а, напротив, чувствую удовольствие. Даже когда моя совесть говорит мне, что, оправдав преступника, присяжные сделали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений?

Мысль хорошая, — сказал я.

Но это не новая мысль. Помнится, когда-то очень давно я слышал даже легенду на эту тему, — сказал садовник и улыбнулся. — Мне рассказывала её моя покойная бабушка.

Мы попросили его рассказать эту легенду.

В одном маленьком городке, — начал он, — поселился пожилой, одинокий и некрасивый господин по фамилии Томсон или Вильсон, — ну это всё равно. Дело не в фамилии. Профессия у него была благородная: он лечил людей. Жители города были очень рады, что Бог наконец послал им человека, умеющего лечить болезни, и гордились, что в их городе живёт такой замечательный человек. «Он знает всё», — говорили про него.

Но этого было недостаточно. Надо было ещё говорить: «Он любит всех!» В груди этого учёного человека билось чудное, ангельское сердце. Ведь жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них своей жизни. У него самого была чихотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как бы высоки они ни были. Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег он не брал, и, странное дело, когда умирал пациент, то доктор шёл вместе с родственниками за гробом и плакал.

Признательность жителей не имела границ. В городке и его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом.

И вот этот человек, который, казалось, своею святостью оградил себя от всего злого, доброжелателями которого считались даже разбойники и бешеные, однажды был найден в овраге убитым. Можете же представить себе теперь ту скорбь, какая овладела жителями города и окрестностей. Все в отчаянии, не веря своим глазам, спрашивали себя: кто мог убить этого человека? Судьи, которые проводили следствие, сказали так: «Здесь мы имеем все признаки убийства, но так как нет на свете такого человека, который мог бы убить нашего доктора, то, очевидно, убийства тут нет и совокупность признаков является только простою случайностью. Нужно предположить, что доктор в потёмках сам упал в овраг и ушибся до смерти».

Но вдруг, можете себе представить, случай наводит на убийцу. Увидели, как один шалопай, уже много раз судимый, пропивал в кабаке табакерку и часы, принадлежавшие доктору. Когда стали его уличать, он смутился и сказал какую-то очевидную ложь. Сделали у него обыск и нашли рубаху с окровавленными рукавами и докторский ланцет в золотой оправе. Каких же ещё нужно улик? Злодея посадили в тюрьму. Жители возмутились и в то же время говорили:

Невероятно! Не может быть! Смотрите, как бы не вышло ошибки; ведь случается, что улики говорят неправду! На суде убийца упорно отрицал свою вину. Всё говорило против него, и убедиться в его виновности было так же

нетрудно, как в том, что земля чёрная, но судьи точно с ума сошли: они по десяти раз взвешивали каждую улику, недоверчиво посматривали на свидетелей, краснели, пили воду...

Обвиняемый! — наконец обратился главный судья к убийце. — Суд признал тебя виновным в убийстве доктора такого-то и приговорил тебя к...

Главный судья хотел сказать: «к смертной казни», но выронил из рук бумагу, на которой был написан приговор, вытер холодный пот и закричал:

Нет! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажет Бог, но, клянусь, подсудимый не виноват! Я не допускаю мысли, что мог найтись такой человек, который осмелился бы убить нашего доктора! Человек не способен пасть так низко!

Да, нет такого человека, — согласились прочие

судьи. Нет! — откликнулась толпа. —

Отпустите его!

Убийцу отпустили на все четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей в несправедливости. Пусть оправдательный приговор принесёт жителям городка вред, но зато, посудите, какое благотворное влияние имела на них эта вера в человека, вера, которая ведь не остаётся мёртвой: она воспитывает в нас великодушные чувства и всегда побуждает любить и уважать каждого человека. Каждого!

(По А. П. Чехову*)

Антон Павлович Чехов (1860-1904) — русский писатель, прозаик, драматург.